

В.А. СМЕТАНИН

Екатеринбург

О СПЕЦИФИКЕ ИНВАРИАНТНОЙ ИНФОРМАЦИИ «НОВЕЛЛ ЮСТИНИАНА»¹

I. *Color Graecus*

2. Пролегомены к презумпции
об уникальности содержания «Новелл Юстиниана»

1. О процессе нормотворческой деятельности

Среди множества проблем, решение которых выпало на долю Юстиниана, особое место занимали возрастающие «частные заботы», связанные с судьбами подданных, о чем император напомнил в первых строках проимия первой новеллы: «Мы, занятые заботами всего государства и не присвоив себе даже малое, хотим однако, чтобы персы были спокойными, вандалы вместе с мавруссами повиновались, карфагеняне же, получив обратно прежнюю независимость, поддерживали и дзаны, став ныне впервые подданными государства ромеев, платили налоги (то, что бог еще не предоставил ромеям и ныне, за исключением нашего правления), прибывают и частные заботы, о которых постоянно докладывают, со стороны наших подданных, каждой из которых мы придаем подобающую форму» (1:1.6-16). Информация о состоянии дел (в данном случае в сфере права) поступала к императору по разным каналам: заявления просителей (2:10.18-19), судебские запросы (2:10.19-20), сообщения правительственных чиновников (1:1.15; 20:141.23). О первых двух способах получения информативного материала законодатель писал так: «Разнообразие появившихся отношений дало повод ромеям, уже издавшим законы от нашего имени, для постоянного законодательного процесса, и мы, расположив в порядке всю законодательную сферу государства, осуществили для себя почти полное исправление (ее), когда по поводу заявлений просителей, а когда по поводу судебных запросов, и многие из законов с этого времени мы предложили в письменной форме нашим подданным» (2:10.14-22).

¹ Продолжение. Начало см.: АДСВ. 2000. Вып.31. С.45-59.

Обращения просителей Юстиниан придавал немалое значение как реальному свидетельству разворачивания практических отношений, требующих незамедлительного вмешательства императора. Можно рассматривать в качестве довольно любопытного примера изложение Юстинианом просьбы некой Григории и предписание им для исполнения соответствующих правовых норм в новелле 2, озаглавленной «О том, что женщины, выходящие вторично замуж, не называются по имени (мужа), и о другом важном». К властям обратилась некая женщина по имени Григория, которая «попросила защиты» (2:10.23) в такой ситуации, когда она «прогнала» мужа (2:10.25-26), от которого в свое время родила двух детей, мальчика и девочку. Речь идет о судьбе предбрачного дара, оставшегося у Григории, который она хочет передать сыну, вступая во второй брак. При второбрачии она может лишь пользоваться предбрачным даром, господство же переходит к сыну. Дочь угрожает захватить весь предбрачный дар. Мать предлагает ей половинную долю. Обе стороны – и мать, и дочь – просят рассмотреть казус и издать соответствующий дэтаксис (предписание).

Прежде всего обращает на себя внимание имя матери. Названное всего лишь один раз, оно представлено в полной официальной форме для женщины определенного статуса. Оно не сопровождается ни именем отца (отчественное имя), ни индивидуальным именем мужа, ни наследственным именем бывшего супруга. Нет ни когномена, ни агномена, ни эпонимического имени. Отсутствуют номены родства, профессии, титула, звания, должности, нет катиконима. Личное имя как вид индивидуального антропонима представляет собой в данном случае всю антропонимическую модель. Отсутствует и такой элемент как этника. В официальном документе не могло быть андронима, деминутивного имени, ипокористикона. Причина фиксации одинарного, однокоренного антропонима в виде личного имени уже определена в прескрипции. Отсутствие имени мужа (любой антропонимической разновидности) в официальной номинации просительницы аннулирует социальную подчиненный статус женщины по отношению к бывшему супругу. Антропонимическая формула на удивление проста и коротка. Нет ни двуименности, ни триады (триименности) или многоименности антропонимической системы в рамках антропонимической формулы. Лица более высокого социального статуса (по сравнению с Григорией, скромной подданной) имели более развернутую антропонимическую формулу своего имени. Предельной является подобная формула номинации Юстиниана, состоящая из 28 слов (в греческом выражении): «Во имя господина Иисуса Христа, бога нашего, Автократор Кесарь Флавий Юстиниан Алеманнский, Готский, Франкский, Германский, Антский, Аланский, Вандальский, Африканский, благочестивый,

счастливым, прославленный, победный, победоносный, вечно священный Август» (43:269.15-19). Греческая антропонимическая формула в официальной номинации Юстиниана включает религиозное посвящение, титул, звание, личное имя (индигенное), эпонимическое имя и 15 когноменов (прозваний). Подобная латинская формула, информная по порядку следования компонентов, состоит из 26 слов: «Во имя господина нашего Иисуса Христа Император Цезарь Флавий Юстиниан Алеманнский, Готский, Франкский, Германский, <Антский, Аланский>, Вандальский, Африканский, благочестивый, счастливый, прославленный, победный и всегда победоносный Август» (App. II,8:803.3-5).

Впечатляющая скрупулезность изложения ходатайства Григории доказывает как блестящую эрудицию в сфере права высшего руководителя Империи ромеев, так и горячую его заинтересованность в аргументированном разрешении назревших юридических ситуаций и казусов. Сложность нюансов в позиции спорящих сторон определялась возрастающими разнообразием и новизной общественных правоотношений. Подданные Ромейского государства не могли без помощи законодателя разобраться в новациях, обусловленных трансформацией материальных интересов.

Перед описанием прецедента Юстиниан подчеркнул необходимость исправления законодательной сферы в связи с усложнением правоотношений и затем приступил к разбору обращения просительницы: «Именно нечто подобное и востребовало ныне возродившийся для нас настоящий закон. Дело в том, что Григория попросила о защите, подтвердив, что она вела совместную жизнь с бывшим мужем, что родила для себя двух детей, мужского и женского пола, и что прогнала сожителя. Пытаясь однако добиться большого расположения со стороны сына, она подумала, что не следует оставлять его не почтенным дарами, а также отпускать без подобающего вознаграждения. Поэтому предбрачный дар, хотя она еще не предалась второму баку, тем не менее она восстановила и передала сыну. Конечно, здравствующий сын не проживал с ней, но они находились далеко друг от друга, прежде чем мать захотела вступить во второй брак. И сам древний закон, и наш призвали обеих, как дочь, так и мать, к наследованию в пользу молодого человека. Если бы мать оставалась в предыдущем браке, ничто бы не подлежало востребованию. Однако она устремляется ко второму мужу, имея возможность любого использования предбрачного дара: ибо он и предлагался в дар на таком условии, согласно которому пользование остается у нее, господство же переходит к сыну. Из-за господства же дочь угрожает, что она захватит весь предбрачный дар (не потому, что она наследует брату, но потому, что отец передал матери), утверждая, что мать не проявила никакой сме-

лости, предаваясь второму браку, чтобы удержать господство над предбрачным даром на каком угодно основании. Но мать считает совершенно невозможным вмешиваться именно с этого времени в дела сына еще потому, что действительно существует предбрачный дар и что вследствие наследования, но не вследствие дара как такового, он принадлежит ей сверх того согласно эксаунгию с предоставлением господства и пользования (в отношении его). И не только это оспаривается, но и вокруг самого наследства брата по отношению к ней самой дочь всячески сопротивляется унаследовать из него, как предлагает мать, в соответствии с половинной долей (согласно которой мы призываем ее саму к наследству сына, когда же умирает сын, то после нее самой призывается к наследству одна здравствующая сестра), в то время как дочь, чтобы уцепиться за наследство брата, очень веско возражает с помощью ранее изданных законов и считает, что лишь мать, если бы та не оказалась связанной вторым браком, справедливо претендует на наследство сына, переходя же ко второму мужу, она лишается всего того, что из отцовского наследства извлек для себя сын, если же после второго брака сын умер, то где бы ни было приобретено им состояние, она сама могла бы стать собственницей. Поэтому обе стороны желают предписаний, которые решают подобные казусы. Мать же, конечно, утверждает, что жестоко иметь такие предписания и недостойно нашего человеколюбивого времени; и все же она пользуется нашим введенным предписанием, полагая, что оно не отличается от предыдущих распоряжений и не призывает к наследованию после детей тех матерей, которые еще не перешли к другому мужу, связанных же вторым браком, однако, уже не призывают. Здесь, однако, имеется нечто странное: ибо, сделав свое собственное честолюбие по отношению к сыну поводом для заключения, она считает, что лучше получить ответный дар, нежели просто так иметь нелогичную выгоду. Поэтому мы, во многих случаях расспросив и всю теорию таких именно пояснений и наследований исследовав, подумали, что необходимо по поводу этого написать касающийся всех закон, согласно которому и настоящий спор получает окончание» (2:10.22-30; 11.1-41; 12.1-10).

Несовершенство действующего законодательства открылось Юстиниану во всей своей глубине. Противоречивость правовых норм, недомолвки, непонятные положения, устаревшие или устаревающие нормы, утраченные или игнорируемые правовые эксерпты, потребность ясности и недвусмысленности восприятия и трактовки приводили к усиливающимся в обществе пустым спорам (19:138.24-25), разногласиям (19:138.29,33), которые иногда были продолжительными (20:141.4) и могли быть разрешены только с помощью законодателя, о чем нередко умоляли в своих заявлениях просители (2:11.35-37). Для

более отчетливого осознания сущности вносимых в закон поправок Юстиниан иногда намеренно излагал содержание конкретного спора (2:10.23-30; 11.1-41; 12.1-6).

Подчеркивая недостатки как всего действующего законодательства (22:146.31-34; 147.1-2,11-13), так и взятых в отдельности законов (12:95.5-7), Юстиниан предпринял с 1 января 535 г. новый титанический прорыв – на этот раз уже для пересмотра всей законодательной сферы государства с целью «почти полного исправления» ее (2:10.18). От плохих законов страдали самые разные группы населения, в том числе дети (12:95.8-10) и женщины (21:145.5-11). Для реализации задуманного было организовано постоянное информирование о правовых запросах подданных (1:1.14-16) причем каждому заявлению, просьбе, обращению придавалась «подобаяющая форма» (1:1.16). Подобные ходатайства подданных империи назывались «эпистолами» (20:141.6), и мне думается, если исходить из контекста этого слова в проимии новеллы 20, что под «эпистолами» следует понимать самые разнообразные по форме документы, тем более имеющие «подобаяющую форму» – обращения ромеев, апелляции, предписания процессуального характера. Существовали специальные «божественные хранилища» (20:141.20), где протекала деятельность судей, считающих своей службу в сфере апелляций (20:141.7-8). Упоминается и в единственном числе «божественное хранилище эпистол» (20:141.6), но таких учреждений было, конечно, несколько (20:141.20). «Эпистолы» тщательно хранились, обрабатывались, о них (как в целом, так и в конкретном преломлении) докладывали законодателю, причем, случалось, и после принятия предварительного решения по возникшему спору (20:141.22-23). Служители «божественных хранилищ» помогали ориентироваться в потоке ходатайств, систематизировали просьбы и выявляли главное.

После получения исчерпывающей информации по конкретному спору законодатель в лице Юстиниана начинал исследовать юридическую ситуацию. Потребность в адекватной реакции, соответствующей характеру проблемы, побуждала искать наиболее верное решение, тем более что изучаемый прецедент получал общеимперское звучание и его разрешение становилось эталоном при рассмотрении подобных казусов. Император учитывал «разнообразие появившихся отношений» (2:10.15-16) и стремился разобраться в них, используя любую возможность вникнуть в суть разрешаемого прецедента «благодаря более совершенным наставлениям» (22:147.29-30). Ощущая постоянную необходимость в некотором улучшении законодательства (22:149.22), Юстиниан еще более убеждался в этом, знакомясь с реальной юридической ситуацией. Уяснение разногласий и эвристика адекватного ответа давались нелегко. «Блуждая всякими путями» (16:116.7-

8). Юстиниан обращался не только и не столько к легистам, сколько к обычным подданным – субъектам развивающихся правоотношений, пытаясь постичь своеобразие изменяющихся условий. Желавшие встретиться с ним имели к нему доступ (146:715.1-2). «Во многих случаях», по его слова, он расспрашивал (2:12.7) о конкретном казусе, «исследуя ... во всех отношениях» (3:19.11) каждый назревший прецедент, причем даже разъяснял и доказывал необходимость «изучения отношений» (22:147.10) в связи со сложившейся правовой ситуацией. Юстиниан досконально осмыслял «всю теорию» (2:12.7-8) вопроса. Он выслушивал, проявляя толерантность, мнения приходящих к нему людей (146:715.7-8)², в том числе, конечно, представителей администрации (20:141.23).

Все взвесив и проанализировав, император приступал к разработке правовых норм. Некоторые из них он сохранял (22:147.38-41; 148.1-4; 186.29-30; 2:11.3-5), многократно ссылаясь на конкретные нормы римского права (например, 1:1.28-30: «Но также и древними законодателями было уже сказано, что формулировки умирающих, все те, которые не противоречили законам, должны исполняться всеми способами»; 2:11.3-5; и др.). Другие законоположения он исправлял (2:10.18; 4:24.20), причем это касалось как законов его предшественников (22:147.30), так и собственных законов Юстиниана (22:147.31-32). Часть правовых норм он восстанавливал (4:24.21), другие истолковывал (4:24.24). Иногда император подтверждал более ранние законы (19:138.32-33; 139.1-2). Он находил неясные фрагменты (4:24.22-23), устранял отжившие нормы (21:145.5-7), добиваясь введения единых общепринятых норм (21:145.3-5), чтобы не допустить использования локальных отклонений в незаконных действиях (22:155.33-34: «много же у людей дорог к порочности»), преодолевал препятствия к разработке закона, чинимые со стороны некоторых лиц (10:92.18-23), добавлял новые законоположения (19:139.2-3; 22:157.7-9; 4:24.23-24), применял сочетание решений (22:147.27), отделял конкретные нормы (22:147.28-29), вносил вторичные поправки (22:147.34-35), ограничивал сферу применения норм (3:18.23-24), отмечая, что «добро в безмерном количестве почти ничего не стоит» (3:18.25). В одной из своих новелл Юстиниан заметил: «Мы посчитали надлежащим заново исправить уже давно изданный закон, (своим) применением однако (мы не представляем как) не стяжавший славу, которым все же выявляется нужное

² Перевод данного проимия см. в работе: СМЕТАНИН В.А. О проимиях дья-таксисов Аугентики//Документ. Архив. История. Современность. Сборник материалов Региональной научно-практической конференции (Екатеринбург, 20-22 апреля 2000 г.). Часть I. Екатеринбург, 2000. С. 20-22.

в сфере изучаемых обстоятельств, и восстановить (его) для общественного блага, не просто введя его так, чтобы он лежал без употребления (ведь какая-то часть в нем была совершенно неясной), но истолковав (его) после подобающего и угодного богу добавления» (4:24.17-24).

Осуществляя нормотворческую деятельность, Юстиниан добивался обновления законодательства (2:10.18), функционирования «хороших законов» (21:144.35-36) на всей территории империи, введения подобающего порядка (1:1.16; 10:92.10-11; 19:139.3; и др.), соблюдения общих и универсальных законов (2:12.9-10; 14.40; 3:18.14) «для общественного блага» (4:24.20-21), чтобы предоставить «будущему времени подобающую гармонию» (22:186.30-32).

Юстиниан придерживался определенного порядка (механизма введения законов) в доведении законоположений до исполнения подданными, судами, имперской и провинциальной администрацией, устанавливал ответственных за эту процедуру, конкретно определял пути и способы применения обновленного законодательства, в конечном итоге адресуя законы «всем» (48:287.34-37). Рекомендации о порядке введения новеллы в практику содержались в ее заключении. Приведу пример: «Итак, пусть вся новая знатность, осознающая представленные нами положения, открыто предложит в твоём суде и адвокатам, и другим лицам, которыми она управляет, чтобы дела решались согласно этим положениям» (22:187.11-14). Поручение было дано Иоанну Каппадокийскому, епарху священных преторов Востока, эксконсулу и патрикию.

2. Идея непрерывного законодательства

Как выдающийся знаток римского права, Юстиниан в полной мере осознавал, что право не создается по прихоти, из головы, на пустом месте, без учета реально складывающихся общественных отношений. И он подходил к оценке правовых норм как составляющих «некую единую последовательность целого законоположения и ... законодательства» (22:149.15-17), иначе говоря, воспринимал результаты нормотворческой деятельности как неразрывное единство. Аксиологические суждения Юстиниана, касающиеся римского права, пронизывает мысль о такой черте всего предшествующего законодательства как его подвижность, изменяемость. Император оценивал римское право как «давно формирующееся законодательство» (22:149.17), которое перерабатывалось «приблизительно через пять, пятьдесят, сто лет и более длительный срок» (22:149.17-19), но тем не менее не достигло некой идеальной формы. Законодатель лишь стремится к этому «всеми способами», чтобы законодательство стало «безупречным и гармоничным»

(22:149.22-23). Правовой опыт убедил Юстиниана в том, что законоположения, право, законодательство «постоянно» нуждаются в «некотором улучшении» (22:149.22). Поскольку новации не столь часты и внезапны, для удобства пользования законодательством следует проводить его кодификацию, что и было осуществлено Юстинианом в отношении римского права в 528-534 гг.

Однако правовая практика Юстиниана вскоре кардинальным образом изменилась. Он почувствовал острые перемены в формировании юридической ситуации. Лавина непредвиденных, оригинальных казусов заставила искать иные подходы к разработке правовых норм. «Разнообразие появившихся отношений дало повод... для постоянного законодательного процесса» (2:10.15-16). Если раньше он был спорадическим и не требовал неустанного, повседневного внимания, то теперь (с 535 г.) обрушились «частные заботы... со стороны наших подданных», каждой из которых приходится придавать «подобающую форму» (1:1.14-16). Юстиниан отказался от кодификации новых правовых норм, которые непрерывно создавались в соответствии с требованиями действительности: «Последующее же время соответственно порождаемым вслед за этим проблемам пусть рассмотрит в едином законе все вот эти самые предложения и дополнения» (22:148.28-31). «Свод гражданского права» был подготовлен в удивительно короткое время, «Новеллы Юстиниана» создавались в течение более тридцатилетия и не были кодифицированы, поскольку стремительно изменяющиеся общественные отношения не позволяли этого сделать. Законодательство стало осознаваться как непрерывный, напряженно протекавший процесс. Поэтому вряд ли будет справедливым утверждать, как иногда звучит в историографии, что Юстиниан не успел якобы кодифицировать новеллы 535-565 гг. На самом деле он и не ставил перед собой такой цели, отказавшись в новой правовой обстановке от принципа кодификации как несвоевременного. В условиях неудержимо развернувшегося законодательного процесса кодификация постоянно меняющихся норм была бы нерациональной. Юстиниан создал новую разновидность, новую форму законодательства – непрерывное, живое законодательство, вбирающее в себя актуальные новации, быстро реагирующее на требования жизни, регулируемое законодателем, осуществляемое целенаправленно, не стихийно, с выявлением самых острых, злободневных и жгучих проблем. Отсюда и не могло быть раз и навсегда заданной ритмичности. Законодательный процесс принял скачкообразное проявление, хотя в целом, в более глобальном, итоговом очертании, он похож на линию спуска с большого трамплина. Бурная нормотворческая деятельность в первое пятилетие (535-539 гг.) породила, как отмечалось выше (I.1), 108 новелл. Затем наступает

спад, хотя Юстиниан до самой кончины не прекращал работу над законами. Предпринятые в историографии попытки объяснить более анемичную со временем нормотворческую деятельность Юстиниана его увлеченностью богословием или влиянием пожилого возраста можно принять лишь отчасти, причем с акцентом на том, что названные обстоятельства следует рассматривать как второстепенные. В.Ф. Одоевский в повести «Opere del Cavaliere Giambattista Piranesi» подчеркнул, что «старость умерщвляет все страсти, даже библиоманию», но нельзя забывать, что каждый возраст имеет и свои преимущества. Главной же причиной спада явилось другое – в 535-539 гг. Юстиниан подготовил основу нового законодательства, отреагировав на большинство животрепещущих проблем, и в дальнейшем произошло естественное сокращение дьятаксисов. Пик законодательного творчества Юстиниана (535-539 гг.) должен вызвать пристальное внимание специалистов – как историков, так и юристов. При своем рационализме, реалистическом мышлении и ценном жизненном опыте Юстиниан не мог действовать импульсивно, необдуманно, поспешно. В его правилах – отвергать акцидентное и хаотичное. Он поступал последовательно, логично, отбирая самое существенное, исходя из важности разрешаемых прецедентов. Поэтому представляется очень важным и неотложным делом проследить путь движения новаторской правовой мысли Юстиниана, у которого сложился гибкий план реализации «постоянного законодательного процесса».

Сроки составления новелл, отсутствие кодификации, форма нормотворческой деятельности в виде непрерывного процесса заметно отличает подход Юстиниана к сфере права с 1 января 535 г. Новые конституции действовали значительно дольше «Свода гражданского права». А. Шопенгауэр как-то заметил, что «то, что должно существовать долго, создается медленно». Не забудем и того, что если кодификация римского права была плодом коллективного творчества, то «Новеллы Юстиниана» – индивидуальный труд высшего руководителя Византийского государства.

3. Программа законодательной деятельности

Продолжая пролегомены, следует подчеркнуть, что в 535-565 гг. в Византии сложилась уникальная правовая ситуация, которой раньше не было и которая вызвала, определила, востребовала невиданный взлет новаторской правовой мысли. Несмотря на множество проблем, трудностей, препятствий и даже противодействий (10:92.18-23), Юстиниан осознал необходимость новаций и, «расположив в порядке всю законодательную сферу государства» (2:10.17-18), осуществил «почти

полное исправление» законодательства (2:10.18). Эту трудоемкую работу он проводил, по его словам, «для общественного блага» (4:24.20-21), стремясь, чтобы усовершенствованные правовые нормы были восприняты ромейским обществом. Разбирая конкретные казусы, Юстиниан специально оттенял, что «необходимо по поводу этого написать касающийся всех закон» (2:12.9-10). Он налажил постоянное общение с подданными и активно реагировал на их обращения, в которых содержались мысли о том, что «недостойно нашего человеколюбивого времени» иметь некоторые из существующих законов в прежних смысле и форме (2:11.37-39). Назревшие противоречия, препятствовавшие успешному функционированию социума, Юстиниан так или иначе обозначил в новеллах. Неподдельный интерес вызывает прежде всего тот ареал затронутых общественных проблем, который нашел отражение в дьятаксисах: формы собственности и их разграничение, наследственное и обязательственное право, город, проастиий, деревня, налоги и ренты, знать, торгово-ремесленное население, свободное крестьянство, колоны, рабы, вольноотпущенники, безземельные лица, церковь, монашество, армия, чиновничество, царственность, ростовщичество, ереси, социальные противоречия, семья, брак, статус женщины, защита интересов детей, этноконфессиональные аспекты, отношения с западным христианством и многое другое. После этого еще большее значение приобретает то конкретное разрешение правового казуса, которое предлагал Юстиниан в своих новеллах. Законодатель выявил, сформулировал и разрешил всю совокупность спорных и обострившихся правоотношений.

Юстиниан избегал категоричности (3:18.20), жалел о промахах (146:714.22), признавался в своем незнании некоторых явлений (4:24.18), убеждал (20:141.9-22) и убеждался (2:12.9-10), напоминал (19:138.31-32), настаивал (16:116.1-2, 4-6), разъяснял свои цели (21:144.35-36; 5:28.25-29), аргументировал (3:18.25-31; 19.1-8), ссылаясь на уже изданные законы, связанные с излагаемым (16:115.28-31; 116.1). Предлагая свое новое решение или дополнительное предписание, он в некоторых случаях не упорствовал в непременном использовании дьятаксиса, предполагая правовую осведомленность должностных лиц: «И ты совсем не представишь публично это наше божественное предписание, если нами уже написанного по этому поводу достаточно для славнейших епархов наших священных преторов» (22:187.14-18).

Исследуя прецеденты, Юстиниан сталкивался с необычными, непривычными ситуациями, поражавшими его новизной и своеобразием. Все правовые отношения, в том числе отношения лиц к своим вещам и отношения между лицами по поводу вещей, стали более разнообразными (2:10.15-16) и иногда даже странными (2:12.3), по оценке Юсти-

ниана. Исследуя их, законодатель проводил четкое противопоставление разных форм собственности (2:11.19-21). Согласно эксаунгию и вследствие наследования от мужа предбрачный дар принадлежал жене «с предоставлением господства и пользования» (2:11.20-21). После второбрачия женщины, которая передала предбрачный дар сыну, «пользование остается у нее, господство же переходит к сыну» (2:11.9-11). Если сын умирал после второго брака матери, «то где бы ни было приобретено им состояние, она сама могла стать собственницей» (2:11.33-35).

«Новеллы Юстиниана» акцентированно защищали интересы детей, рожденных, в частности, в незаконном браке. С одной стороны, наказывались родители, решившиеся на такое сожителство: «Мы полагаем, что законы о нечестивцах, записанные ранее представителями царственности, несовершенно, именно те, которые оставляют безнаказанными соединившихся в незаконном браке, в результате которого появившиеся дети, несмотря на то, что являются невиновными, лишаются отца вследствие такого брака. Поэтому необходимо, чтобы те, кто совершил грех, были признаны безответственными, а безответственные наказаны как те, кто совершил грех. Мы предписываем поэтому отныне, что если кто-либо заключил брак незаконный и против природы (который закон называет преступным, беззаконным и достойным осуждения), если только он не имел своих детей, рожденных от прежнего законного и безупречного брака, то ему тотчас же угрожает лишение собственного имущества, тем более без всякого использования того, что отдано ему в качестве приданого, но все передается казне». С другой стороны, при определенных условиях, разобранных в дъятаксисе, меняется статус детей, рожденных до заключения брачных контрактов: «Дошло до нас, что некими овладевает пустой спор, если во время разногласий, не решенных постановлением или соглашением, не приводится установленное с нашей стороны законом положение о детях, рожденных до составления брачных контрактов и рожденных после их составления: хотя мы, когда упорядочивали законы по частям, недвусмысленно в первом предписании, устанавливаемом эти положения, напомнили, чтобы разногласия (остаются ли родители таких детей в живых или умерли, однако еще не получили окончательного вида в форме постановлений или соглашений положения по поводу именно таких разногласий) разрешались непременно так, как гласит наш закон. Восполняя его, мы упорядочили и второй закон, декретируя соблюдать те же самые положения, и если после брачных контрактов не было детей или те, кто родился, умерли, то рожденные до брачных контрактов являются законнорожденными, ничуть не менее» (19:138.24-33; 139.1-7).

Немало новелл посвящено упрочению правового статуса женщи-

ны. К Юстиниану постоянно обращались за помощью («Григория попросила защитить». – 2:10.23). Законодатель боролся с теми законами и обычаями (21:145.3-4,7), которые оскорбляли достоинство женщины: «Желая, чтобы земля армян как следует управлялась хорошими законами, мы сделали распоряжения ромейским властям, чтобы никто не был склонен к отпадению от нас из-за иной формы правления, освободив ее от прежних наименований, приучили пользоваться формами ромеев, предписали, чтобы не существовало иных законов с их стороны кроме тех, которые признают роми. И мы подумали, что нам следует подобающим законом устранить то плохое, что ими совершается, чтобы, согласно варварскому обычаю, наследниками родителей, братьев и других родственников не являлись только мужчины, исключая женщин, и к тому же чтобы они не приходили к мужу без приданого и не покупались мужьями, когда им предстояло вести совместную жизнь. Такое, как и более варварское, широко практиковалось у них доньше, хотя не только они одни восславили вследствие этого более дикое, но и другие народы таким образом опозорили естество и оскорбили женщину, как будто не сотворенную богом и не завершенную созиданием, но якобы ничтожную и презренную, и поставленную вне всякой подобающей чести» (21:144.35-36: 145.1-18).

Юстиниан добивался более объективного рассмотрения дел в судебном заседании и придавал огромное значение совершенствованию судебного процесса: «Мы уже составили для себя божественный закон, называемый «Об апелляциях», каким образом следует защищать себя с их помощью и по какому поводу подают апелляции на некоторых лиц, который мы послали и твоей знатности и нашему славнейшему квестору. Поскольку же возник продолжительный спор о должностях, связанных с апелляциями, с одной стороны – о великолепных судьях из божественного хранилища эпистол, считающих своей службу в сфере апелляций, с другой – о тех, кто в местопребывании твоей знатности больше всего доказывает, что совершено беззаконие, то положение изменится, если уже не одни только они будут содействовать апелляциям, приходящим от светлейших архонтов провинций в один-единственный твой суд, так, как было раньше, когда в божественном суде ты сам слушал, помогало же и твое ведомство, но изменится вследствие роли великолепных судей в организации судебных заседаний, когда затевается дело, и когда совместно с твоей знатностью слушает и славнейший наш квестор, и когда каждая сторона считает своим всё, и когда неоднократно сведены вместе в присутствии твоей знатности и славнейшего нашего квестора как те из божественных хранилищ, которые ведают апелляциями, так и те, кто из ведомства твоего местопребывания: решение же свело проблему к некоему общему виду, ко-

торый устно вы довели до нас» (20:140.33-34; 141.1-23).

В «Новеллах Юстиниана» в законодательном порядке оформлялись идеи ограничения хиротоний в церковных учреждениях и сокращения церковных расходов: «С одной стороны, мы нашли форму общего и универсального закона как для твоего святейшества, так и для других святейших патриархов, представившего в письменном виде нормы относительно рукоположения непорочных епископов и богобоязненнейших клириков и женщин, по крайней мере дьяконисс, и относительно того, что немногие оказываются рукоположенными вследствие изначального ограничения, которые (нормы), нам казалось, заключают в себе подобающее, должное и достойное священных канонов. С другой стороны, мы письменно сообщаем твоему святейшеству собственный настоящий закон, устанавливая нормы относительно количества здешних богобоязненнейших клириков. Поскольку же добро в безмерном количестве почти ничего не стоит для них, необходимо, чтобы по возможности рукоположения богобоязненнейших клириков и богобоязненнейших дьяконисс не стали бы такими многочисленными, пока из-за расходов на них святейшая церковь не очутилась в нужде вследствие огромных займов и мало-помалу не пришла в крайнюю бедность. Ведь мы видим, вследствие такого предлога, что святейшая великая церковь царственного этого города, мать нашей империи, обеспокоена огромными долгами и не смогла вообще произвести любую выплату денег богобоязненнейшим клирикам, прежде чем не было взято займы золото в надлежащем количестве, совершая, с одной стороны, залоговые сделки, с другой – предоставляя для обеспечения свои прекрасные деревни и предместья. По этой причине мы одновременно увидели, что они сами обратились к исследованию печального обстоятельства и узнали, с одной стороны, какой характер раньше оно имело, с другой – в течение какого времени оно себя проявило. Исследуя поэтому данное во всех отношениях, мы находим, чтобы каждый из построивших священнейшие церкви в блаженнейшем этом городе позаботился не об одном только сооружении, но и о том, чтобы было предоставлено достаточно сильное снабжение храмам, исполненным благодати и возникшим от его имени, и чтобы он установил, сколько необходимо предложить священников в каждую церковь, сколько также дьяконов и дьяконисс, сколько как иподьяконов, так и, в свою очередь, певчих и чтецов, и привратников» (3:18.14-31; 19.1-20). Ссылаясь на эту новеллу, Юстиниан связывал с ней и дедуцировал новый вопрос об уменьшении церковных расходов: «Мы недавно написали закон о пределе хиротоний и о том, чтобы те, которые устремились достигнуть этого, не состояли ни при святейшей великой церкви блаженного города, ни при других (церквах): именно это является зако-

ном, и мы предписываем твердо держаться повсюду его смысла. Поскольку же нашей целью является ограничение хиротоний, то с этого времени и святейшей великой церкви (следует) отказаться от превышения расходов до некоторого среднего и терпимого количества, чтобы сумма ее издержек могла быть меньше, вследствие этого, блуждая всякими путями, мы пришли к настоящему закону» (16:115.28-31; 116.1-9).

Проводя реформу административного строя, Юстиниан, в частности, рассмотрел вопрос о числе референдариев: «Среди всего прочего, что мы привели в подобающий порядок, мы вознамерились, озаботившись со своей стороны, не оставить вне внимания и нормы об известных наших референдариях, а они (эти нормы) установили – лучше столько, сколько полезнее нам, нежели много. Ведь раньше мы сделали (так), что они (референдарии), подготовленные в небольшом количестве, стали более многочисленными, нежели предшественники, чтобы мы могли бы помогать многим благодаря им, легко узнавая запросы каждого. Но нашлись некоторые, кто, с одной стороны, подталкивал наше усердие к несообразности и многих нуждающихся подстрекал против нас, с другой – использовал многие ходатайства и, таким образом, постоянными содействиями к неумеренности превратил важное в неподобающее дело. Ибо не было конца просящим, пока число их (референдариев) не дошло до четырнадцати» (10:92.10-25).

Особую проблему составило положение монашества, которой Юстиниан посвятил уже новеллу №5, начав ее следующим аббреже: «Образ жизни в монашеской аскезе настолько благочестив, настолько он умеет привязывать к богу того человека, который приходит для этого, что он удаляет из человека всяческое осквернение, проявляет же чистое и то, что соответствует духовной природе, и то многое, что действует благоразумно, и то, что выше человеческих треволений. Если кто-либо, в самом деле, намеревается быть добросовестным монахом, ему необходимо стать достойным обучения божественным изречениям и строгой аскезе, вследствие столь большой перемены. И мы поэтому вознамерились указать то, что нужно сделать им и сделать их истинными ревнителями дороги к богу. И такой нам представляется цель настоящего закона, чтобы после того, что установлено законом относительно богоугоднейших епископов и того, что предписано в отношении богобоязненнейших клириков, не оставить вне рамок надлежащего то, что относится к монашеству» (5:28.14-29).

Глобальная программа нормотворческой деятельности Юстиниана существенно изменила правовую ситуацию в византийском обществе, отразив в законодательной форме разрешение большинства появившихся общественных проблем.

4. Новаторство Юстиниана

В 528-534 гг. была заложена прочная основа для холистического восприятия римского права. Кодификация многому научила Юстиниана и прежде всего тому, что он с завершением «Свода гражданского права» отказался от последующей кодификации. Юстиниан приобрел неоценимый праксеологический опыт сравнительного анализа действующих норм права и реальной юридической ситуации. Переживаемая ромеями эпоха становилась иной, и подданные, чувствуя это, дали ей новую номинацию – «человеколюбивое время» (2:11.38-39). Подразумевалось не столько сокращение в законодательстве числа тех видов преступлений, за совершение которых полагалась смертная казнь (позже Михаил Пселл в «Обзрении законов» счел необходимым обратить внимание мафита лишь на три нормы применения смертной казни. – Стк. 846-847, 1181-1182, 1403-1404. Для сравнения, в эпоху Петра Великого, согласно его «Уставу», предусматривалось 112 таких норм), сколько пересмотр жестоких дьятаксисов гражданского права, на чем настаивали подданные (2:11.37-38). Тем самым сформировалась «отзывчивая среда», та, лишь в которой звучит слово, говоря словами П.Я. Чаадаева (афоризм 115). «Разнообразие появившихся отношений» (2:10.15-16) востребовало модификации действующего права. Сформировалась новая ситуация, когда общество жаждало изменений. Юстиниан, организовавший для себя постоянное информирование (1:1.15), был в курсе дел и уловил назревшие общественные потребности. Он был готов к реформированию, воспринимая правовое преобразование социума как длительный, непрерывный процесс (2:10.15) и тем самым отрицая не крутую, кардинальную, а именно кратковременную ломку нарастающих коллизий. Время ждало реформатора, и он явился в лице Юстиниана, который реализовал чаяния подданных и стал первопроходцем, увлекшим за собой общество к его неведомой судьбе. Он сложился как самобытная индивидуальность, универсально мыслящая личность. Юстиниан творил не по готовому рецепту, он осознавал, что открывает новые пути и создает новые правовые ценности. Он совершил переворот в праве, создав феномен непрерывного законодательного процесса. Он осуществил пересмотр почти всего действующего законодательства (2:10.18), стал основоположником византийского права, изменил форму законодательных актов, ввел греческий язык в сферу права, и этот язык сделался языком византийского средневековья. Провозглашение греческого языка официальным языком права и в целом Империи ромеев имело неизбывное значение для сближения империи и церкви, царственности и священства, укрепления единства имперских территорий, ибо греческий язык был основ-

ным языком подданных и, что важно подчеркнуть, языком православной церкви. Византийское право, начавшее временной отсчет с 1 января 535 г., стало единым, целостным правом на всей территории Византийского государства, к чему и стремился Юстиниан (21:145.3-5). Законодатель закрепил многообразие и размежевание форм развивающейся собственности, уловив экономическую потребность социума, зафиксировал востребованные действительностью изменения статуса различных социальных групп. Юстиниан создал непревзойденный компендиум по теории и практике частной собственности. Новаторство василевса ромеев было уникальным – разносторонним, всеохватывающим, глубинным. «Новеллы Юстиниана» были сотворены высшим руководителем империи, в них – его личные оценки всей общественной ситуации того времени, его планы, цели и самооценка своей нормотворческой деятельности. Вне всякого сомнения, не часто появляются исторические источники такого рода, где высший руководитель государства дает самооценку своим деяниям. Конечно, назрела научная потребность специального исследования обозначенной проблемы.

Каждая новелла Юстиниана устремлена в будущее. Правотворчество высшего руководителя социума – клад переоценок, сокровище новаций, новая форма познания мира, путь проб и ошибок, способ распечатать скрытое и незнакомое, воля найти истину, смелость разрешить коллизии действительности. Юстиниан – самый сильный реформатор среди всех византийских императоров. Никто из них, кроме Юстиниана, не сумел воплотить в законодательной форме всю совокупность изменяющихся общественных отношений. Эволюция права при Юстиниане определялась новыми явлениями и процессами в социально-экономической и идеологической общественной практике, приводящими к турбулентности правовых отношений. Упорядочение законодательной сферы (2:10.13-15; 10:92.10-11; 19:139.3; 31:235.21-26) было востребовано новой общественной ситуацией – *ex facto oritur jus*. Дискретность подачи материала и возвращение к аналогичным сюжетам были связаны с процессом постепенного, нарастающего, растянутого во времени изменения отношений. Юстиниану пришлось подробнее воспринимать правовую ситуацию и действовать дерзче и дельнее. Византия в наибольшей степени в европейском ареале была приобщена к культурно-исторической традиции, и это помогло избежать контаминации номенов при переходе с латыни на греческий язык. Юстиниан, родившийся римлянином, выковал из себя истинного эллина, грека, ромея. Возрастание обращений со стороны подданных (1:1.14-15) было свидетельством атипичности в прецедентах и казусах. Аксиальная идея «Новелл Юстиниана» – в наибольшей степени репрезентировать общественную практику.

Из кодификатора Юстиниан превратился в стратега права, преобразователя правовой мысли. Он стал творцом византийского права – *jus fecit*. В связи с общественными переменами, переживаемыми империей, модифицировалась византийская идеология, в том числе правовая³. Новаторский гений Юстиниана стимулировал юридическое закрепление развитых форм собственности, что, в свою очередь, способствовало процессу аугментации свободы самых разных общественных слоев ромейского социума. Плодотворная идея А.И. Неусыхина о взаимосвязи собственности и свободы подтверждается византийским источниковым материалом.

5. Переход к средневековью

Европейская аграрная цивилизация, сменившая первобытность и предшествовавшая индустриальной, пережила в своем развитии две большие эпохи – античную и средневековую. Некоторые этносы (славянские, германские и другие) были вынуждены миновать рабовладение. Византия, как известно, не знала такой цезуры, сохранив культурно-исторический потенциал, способность общественного самовоспроизводства человека. Ее переход к средневековью мог быть только эволюционным, ибо протекал в рамках единой аграрной цивилизации. Колоссальный производственный опыт, сформировавшиеся формы собственности, прежде всего частной, самое развитое право, функционирующие институты города, рынка, моногамной семьи, лучшее светское образование, билингвизм и полилингвизм, христианская идеология, имперская доктрина икумены, митрокомия, весь спектр научных знаний, античные традиции – все говорило в пользу естественно-исторического движения византийского социума и его вступления в эпоху средневековья по классическому варианту. Информный вариант, воплощающий сущность и закономерность, а не специфику и акциденцию, мог протекать только на ромейской территории, где имелись все условия для его осуществления, иначе говоря, в единственной европейской стране. Первостепенное, дечизивное значение для общественной модификации здесь имели внутренние причины. Устояв в противоборстве с «варварами», Византия вступила, однако, в полосу острых социальных коллизий, ярчайшим проявлением которых стало восстание «Ника» (11-17 января 532 г.). Прошло менее трех лет, и появились «Новеллы Юстиниана». Конечно, они создавались долго – с 1.01.535 по 26.03.565 г. (в течение 30 лет и почти трех месяцев). Но у них с самого начала была глобальная цель – обновить ромейское об-

³ СМЕТАНИН В.А. Идеология Юстиниана Великого (готовится к печати).

щество и разрешить назревшие и назревающие противоречия. Подобного исторического источника, претендующего на всеохватывающую модернизацию социума, Византия еще не знала и в дальнейшем не будет знать. Ко всему тому, что было сказано, следует добавить еще то, что «Новеллы Юстиниана» были созданы высшим руководителем империи, законодателем, высшей судьей, самым компетентным деятелем, специально и всесторонне изучившим социально-экономическую и идеологическую ситуацию с целью разрешения самых животрепещущих и напряженных общественных проблем. Он не мог предаваться никчемному словоизвержению, поскольку был реалистом, трезво мыслящим политическим и государственным руководителем. Он обладал беспрецедентным праксеологическим опытом, был одним из ведущих легистов. 29 декабря 534 г. был завершен «Свод гражданского права». Юстиниан осознавал все плюсы и минусы кодификации. Будучи билингвистом, он безболезненно перешел с латыни на греческий язык в трактовке и сопоставлении правовых норм. Олицетворяя власть, он взял на себя бремя разработки новаций, начав реформирование общества сверху. Он был глубоко убежден в необходимости обновления социума. Его новеллы – не только средоточие всех больных точек, проблем, коллизий и место их законодательного разрешения, но прежде всего источник действующего права, обязательный для реализации на всей территории государства. «Новеллы Юстиниана» – правовая энциклопедия ромейской действительности, свод социальных перипетий, панорама быстро меняющихся общественных процессов, квинтэссенция отживающего, традиционного и новаторского, неумный прорыв в будущее. Новеллы не были окончены, в известной мере не сохранились, но их основа дошла до нас, и они являются непревзойденным историко-правовым источником VI в., настолько глубинно репрезентирующим болевые точки общества и фокусирующим мысль на их излечении, насколько было по силам такой колоритной и незаурядной личности как Юстиниан. Новеллы – первоисточник юстиниановской эпохи, то есть источник наших основных сведений, и равных ему не имеется. Как же расценивать новеллы – как произведение неоконченной, неудавшейся, находящееся в процессе создания, не имеющее смысла принимать законченные кодифицированные очертания? Излагая новое содержание в новой форме, законодатель в лице Юстиниана ответил и на большинство идентичных вопросов. Неоконченность подразумевалась изначально, как сама жизнь, которую невозможно было остановить или придать ей жесткие рамки прокрустова ложа. Но от этого новеллы только выигрывали, стимулируя последующую разработку наболевших правовых новшеств. Всеохватность, глубина и новации поставили «Новеллы Юстиниана» в ряд самых полноценных,

удачных и блистательных письменных памятников и в истории Византии, и в истории Европы.

Собрание дьятаксисов Юстиниана необходимо воспринимать как систему, которая спаена единым и холистическим замыслом и образует нерасторжимую целостность. Ее элементы (иначе строение, комплекс, компоненты) и форма (внутренние и внешние связи), как составляющие звенья системы, взаимосвязаны и взаимообусловлены назревшими новациями. Элементы вбирают не только собственно строение новеллы, но главным образом содержательную часть, сюжетные и смысловые линии. Внутренние связи (или структура, внутренняя форма) – это иерархия элементов, их взаимодействие, сопряженности внутри элемента, взаимовлияние тем и норм, прецедентов и казусов, терминологические, номенклатурные, онимные и общеупотребительные лексические построения в их взаимообусловленности. Внешние связи – это лишь взаимодействие с внешней средой, внешними условиями, поскольку среда не входит в систему. Юстиниан, по его словам, вводил закон «не просто так, чтобы лежал без употребления» (4:24.21-22), но рассматривал его как «некую последовательность целого... законодательства» (22:149.15-17). Создатель новелл приучил пользоваться этими законами (21:145.2-3) и обязывал всех соблюдать их (App. I,3:761.18).

Процесс разработки дьятаксисов включал последовательное, многоэтапное сотрудничество, сотворчество, обмен мнениями с подданными разного социального положения, практику скицирования предварительного решения заинтересованными сторонами (20:141.22-23), разностороннюю и кропотливую отшлифовку правовых норм (о чем выше говорилось: I.2.1), внедрение закона в качестве действующего в общественную среду со всеми аргументами, оговорками и закреплением ответственных лиц и новое изучение реакции подданных, чтобы вторичными поправками еще более усовершенствовать законоположения. На каждой стадии разработки закона Юстиниан предлагал свои этиологические рассуждения, основанные на апостериорных знаниях и представлениях.

Хотя главная ценность «Новелл Юстиниана» заключается в том, что они – носитель нового знания, однако достойно всяческого понимания и то обстоятельство, что вавилеусу ромеев удалось найти адекватную новому содержанию форму дьятаксиса. Юстиниан осознавал это в полной мере: «Мы нашли форму общего и универсального закона» (3:18.14,20). Только в иной форме (*sub alia forma*) можно было выразить всю гамму необычных правовых явлений. Была найдена очень гибкая форма, парадигма которой позволила создать в 535-565 гг. 173 дьятаксиса (вернее, столько сохранилось). Оригинальность ее в том,

что найденный стереотип не сдерживал оформления и осмысления правовых норм и открывал возможность создания любого количества новелл, чем воспользовались как Юстиниан, так и его преемники на императорском престоле – Юстин и затем Тиверий. Первый из преемников подготовил новеллы №140 (14.09.566), 144 (18.05.572), 148 (566), 149 (18.01.569 г.), второй – новеллы №161 (декабрь 574), 163 (апрель 575), 164 (декабрь 574 г.). Юстиниан изменил многое в форме дьятаксиса – язык, компоненты, структуру. Его новые конституции отличаются сплетением правовых норм, отраслей права, сюжетных линий, при этом основное внимание все же приковывается к стержневой правовой норме, которая модифицируется в данном дьятаксисе. Законодатель многократно возвращался к разрабатываемой норме, раскрывая новые нюансы на более высоком уровне оформления и интерпретации. Ряд последующих новелл еще более углубленно оттачивал смысл и облик законоположения. Поэтому должно отнестись со вниманием к практическому воплощению внутренних связей в дьятаксисе, что поможет, помимо всего, стимулировать и обогатить разработку давно назревшей и выстраданной проблемы – теоретического осмысления внутренних связей в историческом источнике.

Если суммировать основные условия, в которых появились «Новеллы Юстиниана», то следует назвать страну и определить степень ее социального напряжения. Это Византия, развивавшаяся без цезуры в движении социума, сохранившая все необходимые общественные институты для естественно-исторического перехода к средневековью и переживавшая с начала 30-х годов VI в. апогей социальных противоречий. Именно здесь были написаны новеллы как реакция на яркое проявление коллизий. Ни один другой европейский источник того времени (из сохранившихся, разумеется, поскольку *quod non est in actis, non est in mundo*) не ставил так остро задачу резкого обновления, крутого исправления существующих порядков и не допускал какой-либо иллюзии сохранения старых устоев. Невозможность управления прежними методами ясно осознавалось, и требовались кардинальные преобразования общественных отношений. Такую функцию обновления социума взял на себя (конечно, под давлением констелляций) глава Византийского государства Юстиниан, компетентность, политический реализм и феноменальная работоспособность которого внушали доверие и надежду. Империя ромеев вступила на этот путь 1 января 535 г. Цель, поставленная императором, осознавалась как радикальное, но длительное обновление, что отразилось на форме законодательной деятельности. «Новеллы Юстиниана» свидетельствуют о важных, принципиальных сдвигах в эволюции ромейского общества. Информативный источниковый материал дьятаксисов во многом еще скрыт

от исследователей, изучались отдельные стороны общественного бытия ромеев, что, конечно, очень важно, однако глубина замыслов и решений Юстиниана будет понятна лишь при всеобъемлющем, многоаспектном и взаимосвязанном анализе текста новелл. Такой подход раскроет стратегию социальной политики, способы управления социумом в самый напряженный период и позволит исследовать всю совокупность новаторских решений Юстиниана. Византия и объективно, и субъективно (в лице верховной власти) была готова к эволюционным общественным преобразованиям. Не забудем и того, что византийская цивилизация того времени была самой развитой в Европе.

Зададимся вопросом – какая же из европейских стран (и какой из этносов, соответственно) первой вступила в эпоху средневековья? Современная историография дает парадоксальный ответ: Франкское государство. Одно из германских племен (франки), едва оправившееся после отпадения пуповины первобытности, первым вошло в средневековое общество. Некоторое время тому назад это событие датировалось даже серединой VI в., в последние годы – концом VI в. Но такое хронологическое смещение не меняет существа концепции. Какие же доводы приводятся в пользу первородства франков по отношению к другим этносам средневековья? Главный аргумент – тезис Ф. Энгельса о свободном франкском крестьянине. А.И. Неусыхин в связи с этим истолкованием разработал концепцию о позднем аллоде как свободно отчуждаемом пахотном наделе. Имелись, правда, и издержки. Нелогично утверждалось, что во времена «Салического закона» основной фигурой (земледельческой!) общины был свободный франкский крестьянин. Если же возникновение «полной собственности» на пахотный участок отождествляется с началом средневековья, тогда становится непонятным игнорирование законов Гундобада (474–516 гг.), согласно которым сорс отчуждался, в том числе свободно продавался. В римском и ромейском обществах подобное право было оформлено в законодательном порядке гораздо раньше. Приведу лишь один факт из ряда подобных – в «Институциях» зафиксировано «полное право распоряжаться вещью», при этом речь шла о любой вещи, включая пахотную землю (I. II.4.2) Получается, что невнимание к византийским правовым источникам и концентрация усилий только на анализе западноевропейского источникового материала привели к выводу об особой значимости аллодиальной собственности, дающей пропуск в средневековье.

В связи с этим возникает два вопроса – приемлема ли франкская парадигма в качестве универсальной закономерности и насколько убедителен франкский вариант в качестве классического? Сомнения вызваны именно тем обстоятельством, что франкский этнос со свойст-

венной ему прерывностью (цезурой) в общественной эволюции не мог репрезентировать естественно-историческое движение социума. Среди всех европейских стран и этносов такой жребий выпал только Империи ромеев. И лишь византийский вариант общественной эволюции от античности к средневековью может рассматриваться в качестве классического. Если признать такую формулировку в качестве допущения, требуется (в целях аргументирования) обстоятельное изучение византийского информативного материала. Наиболее перспективным в этом плане источником (если учитывать всю сумму его характеристик) являются «Новеллы Юстиниана». В таком ракурсе они до настоящего времени – предысторики или, говоря словами Овидия, *charta a vinculis non labefacta suis*. Уникальность содержания дэтаксисов василевса ромеев может проявиться в том, что они раскроют пути движения византийского социума от античности к средневековью, иначе говоря, классический вариант подобной эволюции. Тем самым они позволят определить критерий перехода в средневековую цивилизацию. Византия станет первой страной, вступившей в средние века европейской истории. Юстиниан будет в таком случае зачинателем средневековой эпохи в Европе. Итак, суть пролегоменов заключается в презумпции, что критерий перехода от античности к средневековью содержится в «Новеллах Юстиниана», и только содержательный анализ сможет раскрыть мерло классического варианта.

Перейдем к обоснованию (оно будет изложено в следующих параграфах) высказанного предположения. Впереди – *opus probandi*. Перед аргументацией хотелось бы привести одно из соображений, подчеркивающих значимость презумпции в научном исследовании: «Научный результат оценивается по предсказательной способности, общности, смелости, оригинальности, но не обязательно сразу же по обоснованности»⁴.

Если действительно в «Новеллах Юстиниана» заложен в эксплицитной или имплицитной форме критерий эволюции социума от античности к средневековью, то процесс вступления Византии в средние века можно будет датировать с 1 января 535 г. Конечно, это было только начало движения, ибо «переходы всегда текучи» (М. Вебер). В таком случае, с 1.01.535 г. создавалось также не только византийское право, но и право византийского средневековья.

(Продолжение следует)

⁴ ПЕЧЕНКИН А.А. Обоснование как процедура научного исследования // Вопросы философии. 1984. № 1. С. 71-72.

V.A. Smetanin
Ekaterinburg

PROLEGOMENA ZUR THEORIE VON DER EINZIGARTIGKEIT
DES INHALTS DER NOVELLEN JUSTINIANS

Die vorliegende Arbeit stellt den 2. Paragraphen des 1. Abschnitts eines umfassenden Artikels „Über die Spezifik der invarianten Information in den Novellen Justinians“ dar (vgl. ADSV 31 [2000] 45-59). Er enthält fünf Punkte:

1. Über den Prozess der normativen Tätigkeit. Justinian wurde über die Vorgänge in der Rechtssphäre über verschiedene Kanäle (Eingaben von Bittstellern, richterliche Anfragen, Mitteilungen der Regierungsbeamten) ständig unterrichtet. Als Beispiel wird die Eingabe einer Gregoria in den Darlegungen Justinians angeführt. In Zusammenhang mit ihrem Namen wird das Problem der minimalen und maximalen Anonymität in den Novellen Justinians erörtert. Das Informationsmaterial wurde in den „göttlichen Archiven der Briefe“ aufbewahrt und bearbeitet. Bei der Untersuchung der Rechtslage überdachte Justinian die theoretische und praktische Seite eines Falles gründlich und feilte die Gesetze aus. Auf diese Weise erreichte er „die fast vollständige Korrektur“ der gesamten Gesetzgebung im Interesse „des allgemeinen Wohls“. Der Mechanismus der Einführung von Gesetzen wurde geschaffen.

2. Die Idee der ununterbrochenen Gesetzgebung. „Die Vielfalt der in Erscheinung getretenen Beziehungen gab Anlass ... zu einem ständigen Gesetzgebungsprozess“, erklärt Justinian. Der Kaiser verzichtete auf die nicht zeitgemäße Kodifizierung neuer Konstitutionen. Obwohl er eine neue Vielfalt der Gesetzgebung geschaffen hatte, verwarf Justinian ein für allemal die vorgegebene Rhythmik bei der Vorbereitung von Novellen, indem er einen Großteil der anfallenden Rechtsfälle in den Jahren 535-539 entschied.

3. Das Programm der gesetzgeberischen Tätigkeit. „Die gesamte gesetzgeberische Sphäre des Staates in Ordnung bringend“, gab Justinian Antwort auf alle aktuellen Fragen des Daseins, obwohl einige von ihnen ihm „fremd“ erschienen. Seine Novellen verfolgten das Ziel einer Erneuerung der Gesellschaft, besonderen Wert legte er auf den Schutz der Interessen von Kindern und Frauen. Die Schaffung von Normen durch Justinian veränderte die Rechtslage in der byzantinischen Gesellschaft wesentlich.

4. Die Neuerungen Justinians. Seit dem Jahr 535 bezeichneten die Untertanen des Reiches die justinianische Epoche mit dem neuen Namen „menschenfreundliche Zeit“. Justinian wurde zum Reformator des Rechts, sowohl dem Inhalt als auch der Form nach. Sein innovatorischer Genius begünstigte die Bildung entwickelter Formen des Eigentums, die der Freiheit verschiedener sozialer Gruppen förderlich war.

5. Der Übergang zum Mittelalter. Byzanz bewahrte sich die Fähigkeit der Regeneration und vollzog auf evolutionäre Weise den Schritt von der Antike zum Mittelalter. Justinian verwirklichte eine Reform der Gesellschaft von oben. Seine Novellen sind Trägerinnen neuen Wissens. Sie repräsentieren die naturbedingte historische Bewegung der Gesellschaft. Das Wesen des Übergangs von der Antike zum Mittelalter spiegelt sich in den Novellen wider.